

Василий Васильевич Сиповский

**История русской словесности.
Часть 3. Выпуск 1**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82.09
ББК 83.3

Василий Васильевич Сиповский

История русской словесности. Часть 3. Выпуск 1 / Василий Васильевич Сиповский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 250 с.

ISBN 978-5-4241-1809-8

Василий Васильевич Сиповский родился 2 апреля 1872 г. в Киеве. Историк литературы, писатель. Сын Василия Дмитриевича Сиповского. Окончил курс в Санкт-Петербургском университете; в 1899 г. защитил диссертацию на степень магистра "Карамзин, автор Писем русских путешественников". Написал еще: "Пушкин, Байрон, Шатобриан" (1899); "Онегин, Татьяна и Ленский" ("Русская Старина", 1899 и отд.) и несколько журнальных статей. Член-корреспондент Российской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности (русская литература) с 10 декабря 1921 г.
Умер 23 октября 1930 г. в Ленинграде.

ISBN 978-5-4241-1809-8

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Василий Васильевич
Сиповский
ИСТОРИЯ РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ
Часть III
ВЫПУСКЪ I
(Исторія новой русской
литературы XIX столѣтія)
(Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій)
СОСТАВИЛЪ В. В. Сиповскій,
примѣнительно къ новымъ
программамъ ср. учебн. завед.
М. Н. Пр
(мужскія гимназіи, реальныя
училища и женскія гимназіи), а
также соотвѣтственно новымъ
программамъ, принятымъ въ
учебныхъ заведеніяхъ IV
Отдѣл. Вѣдомства

ПРЕДИСЛОВІЕ

Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій — крупнѣйшія явленія въ исторіи нашей литературы. Они не только объясняютъ *все въ ея прошломъ*, — они, своей литературной дѣятельностью, даютъ ключъ къ разумѣнію всей *послѣдующей* русской литературы. Вотъ почему изученіе ихъ творчества особенно важно, такъ какъ оно даетъ возможность уяснить великий *исторический смыслъ* изученія послѣдовательного (не эпизодического) курса истории русской литературы. Оттого считалъ я цѣлесообразнымъ характеристикѣ этихъ трехъ великихъ русскихъ писателей отвести побольше мѣста въ своемъ учебномъ руководствѣ. Я постарался органически связать ихъ съ исторіей русскаго народнаго, письменнаго и книжнаго творчества предшествующихъ вѣковъ. Послѣдній (второй) выпускъ III-їей части моего руководства отведенъ выясненію тѣхъ литературныхъ результатовъ, къ которымъ привела русскую литературу въ XIX ст. дѣятельность трехъ названныхъ писателей.

Полагаю, что детальный анализъ произведений Пушкина и Гоголя долженъ пріучить учениковъ внимательнѣе относиться къ великимъ произведеніямъ русскаго литературнаго слова. Нѣть физической возможности составить руководство, въ которомъ съ такою же детальностью анализированы были произведения многочисленныхъ русскихъ лириковъ и романистовъ XIX столѣтія. Изъ попытки написать классное руководство съ такими широкими планами вышло бы нѣсколько объемистыхъ томовъ, которые «руководствомъ» быть, конечно, не могли бы. Вотъ почему, съ педагогической точки зрењія, я считаю полезнымъ пріучать учениковъ къ литературному анализу на болѣе доступныхъ, по мысли и объему, произведеніяхъ Пушкина и Гоголя — съ тѣмъ, чтобы ученики самостоятельно могли примѣнять полученные «навыки» къ анализу произведеній новѣйшихъ русскихъ писателей. Вотъ почему послѣдняя часть моего руководства которая охватитъ 40–60, отчасти 70-ые годы исторіи русскаго, творчества, представить собою — 1) сжатую характеристику главнѣйшихъ русскихъ литературныхъ направлений второй половины XIX в., — 2) выясненіе той генетической связи, которая соединяетъ важнѣйшія литературныя явленія XIX ст. въ одно органически-послѣдовательное развитіе, — 3) указаніе на ту связь, которая русскую литературу этого периода неразрывно соединила съ идеинмъ содержаніемъ русской жизни XIX-го ст.

Я думаю, что такое «историческое» освѣщеніе литературной жизни XIX-го столѣтія подыметъ у учениковъ интересъ къ изученію величайшихъ произведеній эпохи и оставить для ихъ *самостоятельности* широкій просторъ. Пусть въ ихъ рукахъ будутъ произведения, исторический смыслъ которыхъ имъ ясенъ, — литературный анализъ произведутъ они сами, благодаря основательнымъ знакомствомъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Бѣлинскимъ.

Пушкинъ въ александровскую эпоху

Сложность общественной жизни русского общества въ александровскую эпоху.

Во второй части моей "Исторії русской словесности" (стр. 187–193) я сдѣлалъ характеристику того любопытнаго времени, лучшимъ выразителемъ котораго былъ у нась Пушкинъ. Я отмѣтилъ сложность культурной жизни этой эпохи, указавъ на пестроту ея общественныхъ настроеній, на разнообразіе интересовъ тогдашняго общества, — разнообразіе, доходившее до разительныхъ противорѣчій. Яснѣе всего эти противорѣчія оказались на личности самого Александра I: начавъ съ рѣчей о конституції, онъ кончилъ тѣмъ, что отдалъ Россію въ руки Аракчеева, Магницкаго, Рунича и Фотія. Подобная противорѣчія наблюдаются и въ русскомъ обществѣ: рядомъ съ консерватизмомъ Карамзина ("Записка о древней и новой Россії", "Исторія Государства Российскаго") и его идеализацией Московской Руси — развиваются и зреютъ либеральныя мечты русскихъ конституционалистовъ, разбившіяся 14 декабря 1825 года о крѣпкие устои самодержавія. На ряду съ интересами политическими въ тогдашнемъ обществѣ сильны были (особенно, подъ конецъ царствованія Александра I) интересы религіозные, выразившіяся, между прочимъ, въ усиленіи мистицизма (секты, масонство) — и, наконецъ, стали уже ясно опредѣляться интересы философскіе (вліянія нѣмецкой идеалистической философіи Шеллинга и Гегеля).

Сложность литературной жизни.

Въ области литературной надо отмѣтить такое же существование въ одно время самыхъ различныхъ настроеній. Всльдь за *крайнимъ индивидуализмомъ оптимиста-Жуковскаго*, который не признавалъ никакихъ общественныхъ интересовъ и сосредоточился исключительно на созерцаніи своей "прекрасной души", намѣщается такая-же индивидуалистическая лирика, но *пессимистическая* (Боратынскій) и, въ то же время, расцвѣтаетъ направление *чисто-эстетическое* (Батюшковъ), которое также было чуждо всякой политики и признавало *чистую красоту* единственнымъ содержаніемъ поэзіи. Въ то же время и *политическая* настроенія эпохи нашли себѣ выраженіе въ лирикѣ Рылѣева, Одоевскаго и др. *Реалистическое* направление выразилось въ творчествѣ Крылова и Грибоѣдова; *народническое*, намѣченное еще XVIII-ымъ вѣкомъ, тоже развивалось, захватывало дѣятельность почти всѣхъ тогдашнихъ писателей, — крупныхъ и мелкихъ, старыхъ и молодыхъ, но не находило себѣ еще яркаго выразителя.

Пушкинъ — итогъ всей предшествовавшей русской литературной жизни.

Пушкинъ былъ любопытнымъ *итогомъ всѣхъ этихъ "направленій"*: въ теченіе недолгой своей литературной дѣятельности онъ, начавъ съ *псевдоклассицизма*, перешель къ *романтизму* и кончилъ *реализмомъ* и *народничествомъ*. Онъ былъ и индивидуалистомъ, который живеть только интересами своей души, былъ и скорбникомъ-пессимистомъ, былъ и эстетикомъ-*"жрецомъ"*, служителемъ "чистой красоты", былъ и политикомъ-судьей русской тогдашней жизни... И не только настроенія изящной литературы XVIII-начала XIX-го вѣка были имъ пережиты, — ему болѣе, чѣмъ кому-либо изъ его предшественниковъ, удалось понять и выразить въ своемъ творчествѣ духъ древней Руси и идеалы простого русскаго народа. Вотъ почему все это заставляетъ видѣть въ Пушкинѣ *итогъ всей*

русской литературы, не только новой, но и древней и даже народной словесности (см. 1 стр. I т. 1-го вып. моей "Истории русской словесности"). Оттого извѣстное изреченіе Герцена: "Петръ Великій бросилъ вызовъ Россіи и она отвѣтила ему Пушкинъмъ" — далеко не охватываетъ всего содержанія пушкинского творчества.

Біографія Пушкіна. Отець и мать.

Александръ Сергеевичъ Пушкинъ родился 26 мая 1799 года, въ достаточной дворянской семье. Воспитанія дома онъ не получилъ хорошаго. Отецъ его былъ пустой свѣтскій человѣкъ, — актеръ-любитель, охотникъ разсказывать анекдоты и собирать сплетни; онъ гордился своей славой остряка, умѣвшаго сочинять каламбуры и экспромты. До старости онъ остался эгоистомъ, которому до семи дѣла никакого не было. Жена его тоже жила только интересами свѣтской жизни. Какъ мужъ, она не занималась ни хозяйствомъ, ни дѣтьми. Но, кромѣ того, она была вспыльчива и несправедлива, — такъ, напримѣръ, она съ ранняго дѣтства не взлюбила будущаго поэта — и эта «нелюбовь» сохранилась у нея навсегда. Домъ Пушкиныхъ представлялъ собой вѣчную толчею, — они были друзьями всей Москвы, и двери ихъ квартиры были открыты для всѣхъ, — "для званыхъ и незваныхъ, особенно изъ иностранныхъ". Вѣчно запутанные въ долгахъ, они являли собою примѣръ полной беззлобности.

Литературная вліянія въ дѣтствѣ на поэта. Вліяніе няни.

Свѣтлой чертой С. Л. Пушкина была любовь къ литературѣ, — у него была богатая библіотека, составленная изъ французскихъ и русскихъ писателей XVIII в. Эта библіотека въ жизни его знаменитаго сына сыграла большую роль: благодаря ей, онъ, еще ребенкомъ, познакомился съ литературой XVIII в. и рано взлся за перо: еще въ родительскомъ домѣ началъ онъ сочинять подражанія Мольеру и Вольтеру. Но особенно увлекала его "легкая поэзія" французовъ, съ ея жизнерадостными настроеніями, веселымъ, не всегда приличнымъ содержаніемъ. Обладая съ дѣтства феноменальной памятью, Пушкинъ "выучилъ наизусть" всю эту литературу, — оттого такъ сильны были ея вліянія на первыхъ опытахъ его собственного творчества. Познакомился Пушкинъ и съ произведеніями русскихъ писателей; нѣкоторыхъ онъ узналь даже лично: И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій посѣщали домъ его отца. Но не только съ книгами знакомился А. С. Пушкинъ, — его няня Арина Родіоновна рассказывала ему народныя сказки, пѣла пѣсни; она была хорошимъ знатокомъ пословицъ, прибаутокъ и сумѣла заинтересовать мальчика народной поэзіей, заставила его полюбить съ дѣтства народное творчество. Она привязалась къ забытому, нелюбимому ребенку и согрѣла его маленькое отзывчивое сердце своей любовью, спасла это сердце отъ ранняго холода и озлобленія. Сроднивъ его съ простонародной поэзіей, она защитила душу мальчика отъ того презрѣнія къ родинѣ, которое было присуще многимъ людямъ того времени¹ и которое было результатомъ нерусского воспитанія нашего дворянства. На всю жизнь сохранила поэтъ благодарность къ своей старой нянѣ. Зато француженки-гувернантки и французы-гувернеры совсѣмъ не сумѣли овладѣть его «неумчивой» натурой: и вотъ, не зная родительской любви, почти не вѣдая надъ собой контроля, онъ росъ свободно и беспорядочно.

Пушкинъ въ лицѣ.

Въ 1811-омъ году родители помѣстили его въ царскосельскій лицей, тогда

только что открытый. Здѣсь Пушкинъ занимался неровно, — только тѣмъ, что его интересовало; педагогическимъ вліяніемъ своихъ лицейскихъ наставниковъ онъ совсѣмъ не поддался. Съ товарищами у него отношенія были тоже непрочныя. Вспыльчивый, неровный въ обращеніи, то назойливый, то обидчивый — онъ для многихъ изъ нихъ остался навсегда человѣкомъ непонятымъ. Сблизился онъ только съ Пущинскимъ и Дельвигомъ, которые сумѣли подъ несимпатичной оболочкой открыть его любящее сердце. Они привязались къ нему, и онъ на ихъ чувства отвѣтилъ такой-же неизмѣнной любовью.

Литературные интересы лицеистовъ.

Особенное значеніе имѣлъ для Пушкина лицей въ томъ отношеніи, что здѣсь окончательно сложились его литературные вкусы: онъ сдѣлялся центромъ литературного кружка тѣхъ товарищъ, которые, какъ и онъ, писали стихки. Молодые поэты издавали и свои рукописные журналы. Чтеніе тоже процвѣтало въ лицѣ. Лицеисты выписывали всѣ лучшіе тогдашніе журналы и слѣдили за русской и иностранной литературой. Впрочемъ, Пушкинъ остался вѣренъ той «легкой» французской поэзіи, съ главными произведеніями которой онъ ознакомился еще дома. Вотъ почему и первые литературные опыты его почти всѣ носятъ слѣды вліяній этой фривольной поэзіи.

Вліяніе Чаадаева.

Пользуясь «свободой» лицейской жизни, Пушкинъ часто посещалъ общество царскосельскихъ гусаровъ. Здѣсь онъ сблизился съ Нащокинъ и Каверины-мъ, — съ ними онъ кутиль и повѣсничаль; въ обществѣ гусаровъ подружился онъ и съ Чаадаевымъ. Этотъ образованный человѣкъ, «философъ-трезвенникъ», въ веселомъ обществѣ гусаровъ былъ «загадкой». Пушкинъ заинтересовался вѣнъ, и многие вечера проводилъ въ его кабинетѣ, слушая либеральныя рѣчи этого «мудреца-мечтателя». Можно думать, что либерализмъ Чаадаева былъ чисто-теоретическимъ, оторваннымъ отъ жизни, — тѣмъ не менѣе, онъ плѣнилъ Пушкина. Подъ вліяніемъ его, Пушкинъ сталъ думать о тонѣ, чтобы "отчизнѣ посвятить души высокіе порывы", онъ сталъ мечтать, что наступить время, когда "заря плѣнительного счастья" разгорится на родинѣ и воцарится "святая вольность". Вѣроятно, въ такомъ же либеральномъ духѣ были бесѣды Пушкина и съ Пущинскимъ, который, еще лицеистомъ, сблизился съ будущими декабристами.

Вліяніе Жуковскаго.

Въ другомъ направленіи вліялъ на Пушкина Жуковскій. Его прекрасная, «кри-стальная», свѣтлая душа дѣйствовала на мягкое, горячее сердце поэта успокаивающимъ образомъ; она просвѣтляла его и воодушевляла къ высокому и прекрасному. Самъ Пушкинъ признавалъ, что нѣжный голосъ "пѣвца Свѣтланы" обладалъ способностью "утѣшать" его "безмолвную печаль", а иногда его, слишкомъ "шумную, рѣзвую, радость" смирялъ первой неясной "думой".

Жуковскій имѣлъ вліяніе не только на его сердце, но и на творчество, — онъ ввелъ Пушкина въ интересы молодыхъ передовыхъ писателей, сгруппировавшихся въ "Арзамасѣ", — этимъ онъ помогъ Пушкину скорѣе отдѣлаться отъ французскихъ псевдоклассическихъ вліяній.

Впечатлѣніе отъ войнъ 1812—1814 г.

Къ событиямъ этой эпохи, отразившимся на творчествѣ Пушкина, надо отнести также войну 1812 года. Лицеисты провожали войска, уходившія на войну, и въ 1814 году встрѣчали ихъ побѣдоносное возвращеніе; императоръ Алексан-

дрь, "спаситель России и всей Европы", вызывалъ въ ихъ впечатлвтельной юной средѣ благоговѣніе.

Настроенія Пушкина въ лицѣ.

Въ личной жизни Пушкина событиями были различныя сердечныя увлеченія, самыя разнообразныя, — отъ мимолетныхъ, легкомысленныхъ — до болѣе глубокихъ, которыя приводили жизнерадостнаго лицеиста-поэта въ настроенія то радостныя, то элегическія, то даже пессимистическія.

Окончаніе лицѣа.

Въ 1817 г. 9-го іюня онъ кончилъ лицей и вступиль въ свѣтъ. Для жизни онъ былъ такъ же мало подготовленъ, какъ и тогда, когда изъ родительского дома вступалъ въ стѣны лица: онъ оставался такимъ же неуравновѣшенымъ чловѣкомъ, отзывчивымъ, впечатлительнымъ, равно способнымъ на добро и на зло, — все подъ вліяніемъ "минуты".

Настроенія русскаго общества той поры. Пушкинъ въ обществѣ. Ссылка поэта.

Русское общество этой поры жило самыми пестрыми впечатлѣніями: теперь надвигалась уже реакція, но значительная часть общества жило еще либеральными мечтами первыхъ дней александровскаго царствованія, — къ тому же общество было еще взволновано патріотическимъ подъемомъ 1812 года. Эта несогласованность настроеній уже выразилась въ столкновеніяхъ правительства и общества. Въ литературѣ обозначилась такая же борьба между консерватизмомъ "Бесѣды" и либерализмомъ «Арзамаса». Кромѣ того, въ широкихъ кругахъ русскаго общества царилъ самый беззаботный разгуль. Пушкинъ всей головой окунулся въ политической и литературный либерализмъ эпохи и въ то же время, съ увлечениемъ отдался свободной жизни тогдашней "золотой молодежи". Поэтъ точно старался обогатить себя самыми сильными и разнообразными впечатлѣніями. Въ его творчествѣ замѣчаемъ мы полное отраженіе его тогдашнихъ интересовъ: онъ разбрасываетъ злые эпиграммы и памфлеты на тѣхъ дѣятелей, которые примкнули къ реакціи, онъ борется, вмѣстѣ съ арзамасцами, противъ членовъ "Бесѣды" — онъ воспѣваетъ въ своихъ стихахъ разгуль, беззаботное веселье и легкомысленныхъ красавицъ. И, рядомъ съ этими гимнами въ честь радостей жизни, онъ знаетъ и грустныя чувства: какое-то «чистое» увлеченіе отравило его жизнерадостность... Впрочемъ, такія увлеченія недолго имъ владѣли, — налетали мятежныя страсти, и онъ отдавался имъ всепѣло, легко забывая свою чистую любовь. Тогда онъ, не безъ задора, говорить о своемъ презрѣніи къ «черни», понимая подъ этимъ словомъ людей, не одобряющихъ его эпикуреизма, — людей, скованныхъ благоразумiemъ, или приличіямъ. Юноша-поэтъ скоро угорѣль въ чаду такой жизни и утомился. Ссылка подошла кстати: за свое свободное поведеніе — онъ былъ принужденъ оставить столицу. Заступничество Карамзина, Жуковскаго, Энгельгардта (бывшаго директора Лицея) сдѣлали то, что "сѣверъ" (Сибирь, или Соловки) замѣненъ былъ ему «югомъ», — и Пушкинъ былъ отправленъ въ Екатеринославъ служить подъ начало генерала Инзова.

Пушкинъ на югѣ. Кавказъ и Крымъ.

Пріѣхавъ на мѣсто новаго служенія, онъ сейчасъ же захворалъ. Мимоѣздомъ поѣтиль его Н. Н. Раевскій, знавшій его по Царскому Селу. Онъ ѣхалъ съ семействомъ на Кавказъ и пригласилъ съ собою А. С. Пушкина. Инзовъ отпустилъ его,

и поэту отправился на Кавказъ. Раевские были людьми передовыми, хорошо образованными; они сердечно отнеслись къ Пушкину, и въ ихъ кругу поэтъ отыходил душой послѣ пережитыхъ треволнений. Онъ наслаждался природой Кавказа и внимательно присматривался къ жизни казаковъ.² Съ Кавказа они перебрались въ Крымъ, въ Гурзуфъ. Здѣсь онъ интересуется татарами, ихъ пѣснями и, подражая имъ, сочиняетъ пѣсни татаръ въ "Бахч. Фонтанѣ". Изъ Крыма Раевские отправились въ свое имѣніе Каменку, а Пушкинъ — въ Бессарабію. Пользуясь добротой своего начальника, онъ не разъ посѣщалъ Раевскихъ въ ихъ имѣніи. Здѣсь онъ встрѣтился съ нѣкоторыми будущими декабристами и принималъ участіе въ ихъ политическихъ бесѣдахъ.

Кишиневъ. "Міровая тоска" Пушкина.

Службой Инзовъ Пушкина не обременялъ, и поэту много свободного времени оставалось въ Кишиневѣ. Мѣстное общество не отличалось культурностью, и Пушкинъ повѣль себѣ по отношенію къ нему вызывающее — высмѣивать мѣстную знать, дралия нѣсколько разъ на дуэли. Въ низкой средѣ Кишинева онъ опять отдается низменнымъ интересамъ: угаръ петербургской жизни на него налетѣлъ еще разъ. Впрочемъ, онъ теперь не отдается ему всецѣло, — онъ много читаетъ, стараясь чтенiemъ восполнить пробѣлы своего образования. Кромѣ того, онъ сближается съ нѣкоторыми передовыми офицерами южной арміи. Интересовался онъ также мѣстными нравами и обычаями, записывалъ пѣсни и сказанія; одно время увлекался онъ греческимъ возстаніемъ. Но все это не заполняло его души, и онъ здѣсь, на югѣ, скоро узналъ приступы "мировой тоски", — того чувства, которое прошлось по всему европейскому обществу, выразившись въ поэзіи Шатобрана, Байрона и иныхъ другихъ большихъ и малыхъ "скорбниковъ". Ихъ вліянію поддался и Пушкинъ, и въ творчествѣ его за эту эпоху замѣтно вліяніе обоихъ пѣвцовъ "разочарованія".

Одесса. Столкновенія съ Воронцовомъ.

Истомившись въ полудикомъ Кишиневѣ, Пушкинъ перебрался въ Одессу служить подъ начало гр. Воронцова. На первыхъ порахъ жизнь въ шумной европейской Одессѣ пѣнила его, — онъ посѣщаетъ театры, завязываетъ знакомства, увлекается мѣстными красавицами, особенно г-жей Ризничъ. Но вскорѣ здѣсь его встрѣтили новые непрѣятности: онъ не поладилъ со своимъ начальникомъ гр. Воронцовомъ, который требовалъ отъ подчиненныхъ исполнительности и корректности, — и тѣмъ, и другимъ Пушкинъ никогда не отличался; да, кромѣ того, онъ былъ избалованъ полной свободой, предоставленной ему въ Кишиневѣ Инзовымъ. Къ тому же Пушкинъ влюбился въ жену гр. Воронцова, и, кажется, встрѣтилъ взаимность. Хотя это было и вполнѣ чистое, возвышенное чувство, но, конечно, оно могло только ухудшить отношенія между гр. Воронцовымъ и поэтомъ. Оскорбленный презрительнымъ отвѣщеніемъ графа, пренебреженіемъ къ его литературной славѣ, Пушкинъ пересталъ стѣсняться даже въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ начальствомъ. Тогда гр. Воронцовъ попросилъ убрать поэта изъ Одессы на сѣверъ. Это сдѣлать было рѣшено въ Петербургѣ еще до полученія просьбы гр. Воронцова, такъ какъ въ руки московской полиціи попало письмо, въ которомъ поэтъ писалъ, что беретъ уроки атеизма"... Въ дни, когда высшіе круги русского общества отличались религиозностью, такое заявленіе поэта сочтено было, конечно, преступленіемъ, — и въ 1824 году онъ былъ отозванъ изъ Одессы и поселенъ въ имѣніи отца, селѣ Михайловскомъ Псковской губерніи.

Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.

На первыхъ порахъ здѣсь, въ деревенскомъ затишыи, поэтъ тосковаль страшно, — его тянуло на югъ, гдѣ и природа такъ прекрасна, и гдѣ остались дорогія его сердцу существа.

Но вскорѣ Пушкинъ обжился въ деревнѣ, сталъ посѣщать сосѣдей, особенно сблизился съ Осиповой, ея дочерьми и сыномъ, студентомъ Дерптскаго університета. Въ деревнѣ продолжалъ онъ заниматься самообразованіемъ, — рѣдкое письмо его не заключаетъ въ себѣ просьбы прислать ему книги. Онъ перечитывалъ въ это время много произведений иностранной литературы, слѣдилъ внимательно за современной русской, изучилъ русскую исторію, познакомился съ русскими лѣтописями. Къ этому времени относится увлеченіе его Шекспиромъ, Вальтеромъ-Скоттомъ и народной русской поэзіей. Особенно помогла ему въ этомъ отношеніи старушка-няня, съ которой ему пришлось коротать вдвоемъ долгіе зимніе вечера. Она пересказывала ему сказки и пѣла пѣсни, которая когда-то онъ слышалъ отъ нея въ дѣтствѣ. Конечно, теперь онъ отнесся серьезнѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ, къ народной поэзіи, и самъ сталъ собирать и записывать народныя произведения и всматриваться въ народные обычаи.³ Къ этому же времени относится возникновеніе у него интереса къ Св. Писанію, въ житіямъ святыхъ. Всѣ эти интересы отразились на его творчествѣ. Сказался на его произведеніяхъ также интересъ къ поэзіи чуждыхъ народовъ и эпохъ. Въ настроеніи Пушкина тоже произошли большія измѣненія: онъ успокоился и примирился съ жизнью, узнавъ ближе русскій народъ и его прошлое.⁴

Примиреніе съ жизнью. Пушкинъ "на волѣ".

Это новое міросозерцаніе его было чисто-философскимъ пониманіемъ жизни, признаніемъ въ ней наличности того добра, которое раньше имъ не понималось, не признавалось. На почвѣ такого новаго міросозерцанія развилось у Пушкина и новое пониманіе средствъ служенія обществу, — на прямыхъ, широкихъ и свободныхъ путяхъ. Вотъ почему онъ не примкнулъ къ декабрьскому мятежу, и 11-го мая 1825 года подалъ на имя государя прошеніе о снятіи съ него опалы. 28 августа онъ былъ спѣшно вызванъ въ Москву, 4-го сентября представленъ къ государю и былъ имъ прощенъ. Государь говорилъ съ нимъ долго и милостиво, обѣщая самъ цензировать его сочиненія и поручить его надзору гр. Бенкендорфа, тогдашняго шефа жандармовъ. Это былъ человѣкъ исполнительный, но холодный и недоброжелательный: до процвѣтанія русской литературы ему дѣла никакого не было, и потому опека его надъ Пушкинымъ оказалась для поэта очень тяжелой. На первыхъ порахъ этого поэтъ не замѣтилъ и беззаботно наслаждался "волей".

Отношеніе русскаго о-на и властей къ поэту. Настроенія Пушкина.

Московское общество приняло Пушкина съ распростертыми объятіями: съ нимъ носились въ "свѣтѣ" и въ литературныхъ кругахъ. Онъ читалъ вездѣ свои произведения (особенно "Бориса Годунова") и радовался отъ души тому, что его чтеніе вездѣ сопровождалось шумнымъ успѣхомъ. Его радость была отправлена суровымъ выговоромъ Бенкендорфа за то, что онъ осмѣялся читать своего "Бориса Годунова", не испросивъ на это предварительно разрѣшенія Государя. Драма была представлена на высочайшій судь, и Государь пожелалъ, чтобы изъ нея были выкинуты всѣ народныя сцены, и она была обращена въ «романъ». Пушкинъ не согласился исполнить этотъ совѣтъ-приказаніе и на нѣсколько лѣтъ

запрятать "подъ сукно" свою драму. Тяжелое настроение опять имъ овладѣло, и его потянуло въ деревенскую тишину. Бенкендорфъ ревниво опекалъ поэта, часто дѣлая ему замѣчанія. Подъ вліяніемъ такихъ непріятностей, Пушкинъ сталъ томиться жизнью: онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ мѣсто, — живеть то въ деревенѣ, то въ Петербургѣ. Онъ чуждъ былъ родной сеъви, но, въ то же время, не могъ уже съ прежней юношеской жизнерадостностью отдаваться утѣхамъ холостой жизни, — онъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше тогдашняго русского общества — и литераторскаго, и свѣтскаго; наконецъ, онъ сознавалъ, что не исполнились его мечты о независимомъ существованіи, ради котораго принесено было столько жертвъ.

Сватовство.

Утомившись одинокой холостой жизнью, поэтъ начинаетъ искать прочной любви, которая могла бы создать его семейное счастье. Съ этой цѣлью онъ пытался сблизиться съ нѣкоторыми барышнями московскаго и петербургскаго свѣта, но всѣ эти попытки долго оставались неудачными.

И вотъ, судьба поставила ему на пути Наталью Николаевну Гончарову. Это была молоденькая, семнадцатилѣтняя дѣвушка, недалекая и малообразованная, но прекрасная собой, какъ Мадонна. У Пушкина, по его словамъ, "закружилась голова", когда онъ ее увидалъ, и онъ решительно пошелъ къ развязкѣ, начавъ сватовство съ матерью плѣнившей его дѣвушки, кажется, не постравшись заглянуть въ сердце и душу самой дѣвушки. Мать ея была человѣкомъ очень тяжелымъ: набожность въ старомъ московскомъ духѣ и благоговѣніе передъ памятью Императора Александра не спасли ее отъ самодурства, деспотизма и, вообще, недоброжелательства къ людямъ. Она была, во всѣхъ отношеніяхъ, полною противоположностью Пушкину.

Кавказъ.

Поэтъ, съ его славой вольнодумца религіознаго и политическаго, быть ей антипатиченъ, но и дочь пристроить поскорѣе она была не прочь. Во всякомъ случаѣ, она дала Пушкину неопределенный отвѣтъ, который повергъ его въ такое отчаяніе, что онъ вдругъ почувствовалъ потребность бросить все — и Москву, и Петербургъ, и удрать куда-нибудь подальше, отъ знакомыхъ лицъ, отъ знакомыхъ людей... Не испрашивая никакихъ разрѣшений, самъ не отдавая себѣ яснаго отчета зачѣмъ, — помчался онъ на Кавказъ. Онъ, между тѣмъ, скакалъ въ дѣйствующую армию, гдѣ думалъ размыкать свое горе среди сильныхъ ощущеній войны. Всегда впечатлительный и увлекающійся, онъ вздохнулъ на Кавказѣ свободной грудью: какъ ребенокъ, наслаждался онъ красотами природы и картинаами своеобразной кавказской жизни. Онъ принялъ дѣятельное участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ, — съ отвагой бросался въ первые ряды, гдѣ шла горячая свалка. Главнокомандующій Паскевичъ скоро выразилъ ему свое неудовольствіе по поводу того, что онъ не желаетъ слушать его совѣтовъ; кромѣ того, Паскевичъ былъ недоволенъ невниманіемъ поэта къ его любезности и сближеніемъ съ декабристами.

Исполняя желанія Паскевича, Пушкинъ отправился во-свояси на сѣверъ.

На родинѣ его ждали выговоры Бенкендорфа за самовольный отѣздъ и сухой приемъ Гончаровыхъ. Тѣмъ не менѣе, въ ноябрѣ 1830 года онъ сдѣлался женихомъ Н. Н. Гончаровой; потомъ начались между нимъ и будущей тещей нелады, которые чуть было не повели къ окончательному разрыву. Кажется, подъ конецъ,